

Раньше мы жили в областном центре. После того, как продали комнату в коммуналке, пришлось переехать в район. Денег, увы, хватило только на частный флигель в небольшом шахтёрском посёлке. Район был не перспективный, все шахты позакрывались, шахтёров выбросили на улицу. Каждый выживал, как мог. Многие вели натуральное хозяйство, держали коз, свиней, коров. По улицам посёлка бродили косяками гуси, во многих дворах кудахтали куры. Работы для молодёжи не было и она, дуря от скуки и безысходности жизни, толпами повалила в криминал. Девушки, естественно — в проститутки.

Оля с первого сентября пошла в школу, я с трудом устроилась уборщицей в частную гимназию. Работать приходилось вечером, когда занятия заканчивались и все расходились. Оставался только ночной сторож, да через смену приезжала машина вневедомственной охраны — по устной договорённости с директрисой охранники находились в гимназии всю ночь, по первому же звонку выезжая на вызов.

Я давно не была с мужчиной и, не смотря на незатухающую любовь к Кристине, стала присматриваться к сторожам и охранникам. Сторожа менялись через каждые сутки, были все в основном пенсионерами, к тому же закладывали за воротник, и меня совсем не заинтересовали. Охранники же приезжали всякий раз одни и те же. Водитель был пожилой, не очень разговорчивый — забыла, как зовут. Его напарник — бывший милицейский опер лет сорока пяти — с виду ничего, весёлый, общительный. Звали его Серёгой, и он начал со мной заигрывать. Я в принципе была не против, хоть совсем отвыкла уже от мужского общества, предпочитая — женское.

С дочкой Оленькой мы продолжали спать вместе и регулярно трахались, вылизывая до изнеможения друг другу киски и анальные дырочки. Это доставляло нам обоим безумный кайф. Причём, девочка моя стала постепенно доминировать в нашей семейной паре, и мне это тоже нравилось. Она всё чаще строго на меня покрикивала, заставляла делать всю тяжёлую работу по дому, иной раз оскорбляла меня, злилась за что-нибудь, а однажды даже больно ударила ладошкой по лицу. Я всё терпела и втайне радовалась, что у меня теперь есть новая маленькая госпожа. Признаться, после нашего поспешного отъезда, даже можно сказать бегства из родного города и разрыва отношений с Кристиной и её компанией, я сильно затосковала. Ну, о компании я не очень горевала, особенно о Натали, которая доставляла мне много беспокойства и по садистски изощрённо издевалась надо мной. Кристи же не выходила у меня из головы. Я по-прежнему любила свою прекрасную девочку и с упоением вспоминала наши с ней отношения, хоть они и были полны грязи, страха, боли и унижения. Но я с ужасом поняла, что пытки, побои и оскорбления постепенно стали мне необходимы как воздух, и я просто не могла уже без этого жить.

По ночам я часто просила Оленьку привязать меня ремнями к кровати, на которой я теперь спала, и хорошенько постегать розгами по голой спине и попе. Дочурка делала всё, что я хотела. Ей видимо и самой страшно нравилось сечь меня. Она выламывала в саду побольше тонких и гладких прутьев, крепко привязывала меня к кровати, чтобы я не дёргалась, сама тоже раздевалась до гола, надевала только высокие чёрные сапоги на длинной острой шпильке, от чего сильно смахивала на гестаповку, брала в руки первый прут и зверски наносила первый, самый болючий удар по моей попе. Я вскрикивала от неожиданности,

острой, пронзающей всё моё существо боли, с силой дёргалась всем телом, сжимала обожжённые розгой, пухлые белые булочки ягодиц. Со страхом, затаившись, ждала следующего удара, как ждёт больной, напрягая все мышцы, укола медсестры в ягодицу. Удар неизменно хлестал по моему незащитному телу, вздувая красным кровавым рубцом кожу на месте ожога розгой, и я кричала уже громче, дёргалась ещё сильнее. Тело моё, помимо моей воли, начинало дрожать мелкой дрожью, на глаза наворачивались слёзы. Я просила Ольгу — вначале, пока не привыкну, бить не так сильно. Но она не слушала и грязно оскорбляла в ответ. Входила во вкус порки и издевательства над незащитной рабыней — а я и была теперь её рабыней — заводилась и секла что есть силы, стараясь причинить мне максимум боли и вырвать из моих уст безобразный животный крик или жалобные стоны и мольбы. Это тоже доставляло ей огромное наслаждение, и она то и дело темпераментно тёрла свободной левой рукой свою маленькую лысую киску.

Постепенно я тупела от боли, расслаблялась и уже слабо реагировала на экзекуцию. К тому же, с каждым новым жестоким ударом, по мере того, как попа и спина мои покрывались безобразными красными полосами и кроваво-фиолетовыми рубцами, в паху нарастало сладостное жжение. Да, мне хорошо было знакомо это острое сексуальное чувство, обычно предшествующее оргазму, который я испытывала от физической боли. Я была мазохистской, и этим всё было сказано. Я уже не просила Ольгу сечь меня не так сильно, а наоборот, умоляла ударить как можно больнее, потому что удовольствие при таком ударе намного увеличивалось. Как будто в попе и спине были особые эрогенные зоны, откликающиеся только на боль и пытки. Я постепенно теряла человеческий облик, отключалась от всего земного, реального и погружалась в какой-то вязкий, розовый, виртуальный мир, где были только секс и боль. Я уже не могла орать, охрипнув от боли, и только жалобно мычала, как настоящее, загнанное и измученное жестокими людьми животное.

Во время экзекуции я не могла манипулировать своей промежностью, как это делала Оленька, но удовольствие и без того было бешеное. Я текла снизу, в паху всё горело и от трения лобком об одеяло неземной сумасшедший кейф удваивался. Под конец я не своим голосом кричала дочери, чтобы она ударила меня как можно сильнее. Я уже была — на грани! Мне хотелось, чтобы розга буквально рвала мою кожу, в которой появился какой-то необъяснимый, нестерпимый зуд. И когда Ольга со свистом опускала прут на мою жутко исполосованную, красную от ударом, большую попу, я дико вскрикивала и начинала биться в глубоком полуобморочном оргазме. Я кончала долго, и всё это время Оленька продолжала охаживать меня розгой, продлевая тем самым и во многом увеличивая наслаждение. Сама она тоже через время достигала пика наивысшего удовольствия, растирая свою киску пальчиками. Тогда она отбрасывала измочаленный об меня прут и падала на колени, дёргаясь, как разбитая параличом, заваливалась на бок. Стонала и что-то быстро-быстро, скороговоркой бормотала в экстазе, как будто молилась какому-то своему, непонятному, всеслышащему божеству.

Оленьке, без сомнения, очень нравилась её новая роль строгой, безжалостной госпожи. Она во всём старалась подражать Кристине и копировала даже её голос, когда в запале кричала на меня, обзывая «сучкой», «животным» и «конченной пиздолизкой».

Постепенно я свыклась со своей участью, выполняла все её прихоти и капризы, и ночью, в постели, старалась представлять на её месте Кристину. Я уже стеснялась предлагать Ольге полизать мою промежность, постепенно мы перестали целоваться в губы. Я продолжала

обсасывать только её нижние губки, когда ласкала ртом её киску. Всё у нас с ней буквально повторялось так же, как с Кристи. И я была рада хоть такой замене, потому что никак не могла забыть своей любви...

Однажды я задержалась допоздна в гимназии, закончила уборку далеко за полночь, собралась идти домой, но было боязно. Поселковые улицы буквально кипели от отчаянного хулиганья. Ночной сторож у входа уже спал. В соседней комнате похрапывал водитель машины вневедомственной охраны. Охранник Серёга предложил подвезти меня домой на казённых «Жигулях». Я была не против, хоть и подумала, что он может по пути приставать... Мы сели в машину и выехали со двора. Я, естественно, устроилась рядом с Сергеем на переднем сиденье. Ехать было недалеко, всего каких-нибудь десять минут, и он, едва отъехав от гимназии, стал делать недвусмысленные намёки. Я отшучивалась и не говорила ни «да», ни «нет». Он понял это по-своему, неожиданно свернув с шоссе, нырнул в густую мрачную темноту под деревьями. Затормозив, выключил фары и зажигание. — Серёга, ты что надумал? Почему остановился? — испугалась я и попробовала открыть дверь, чтобы выйти, но он не пустил.

— Сиди! — грубо приказал он и толкнул меня обратно на сиденье.

— Я закричу, пусти сейчас же, — слабо запротестовала я, но вышло это у меня столь слабо и не убедительно, что Серёга даже не обратил внимания.

Повернувшись ко мне, он бесцеремонно облапил меня своими сильными стальными ручищами, так что я не могла и пикнуть, крепко притянул к себе и стал жадно, взасос обсмаковывать мой рот. Я, привыкшая к вечной пассивной роли, сейчас же подчинилась. Откинув голову, откликнулась на его поцелуи. Подумала только, — как бы он не учуял в моём рту специфические вкус и запах: сегодня ночью я лизала киску и анальную дырочку своей дочурки. Правда, утром хорошо почистила отбеливающей пастой «blend-a-med» зубы, но всё же...

Продолжая доводить меня своим ртом до взвинченного экстаза, Серёга одной рукой полез за пазуху, а другую глубоко утопил между моих ног под юбкой. Я тут же вспомнила, что после последней порки вся попа моя представляет одну сплошную ссохшуюся, исполосованную розгами рану, испугалась, что он может это увидеть или нащупать рукой. Сейчас же схватилась одной рукой за его пальцы, вытаскивая их из своих трусиков, а другой рукой решительно полезла ему в штаны.

— Серенький, пожалуйста, не надо туда лезть руками, — жалобно попросила я. — Давай я лучше перейду на заднее сиденье и сниму всё сама. А то здесь неудобно...

Он удивился, но выпустил меня из своих объятий, открыл дверь. Я пересела назад, по быстрому сняла юбку и трусики, положила их на переднее сиденье. Серёга пересел ко мне. Уложил спиной на неудобное, узкое кожаное сиденье. Я широко, насколько позволяло пространство салона, развела в стороны ноги, подставляя влагалище под его вставший молодым, норовистым жеребцом член. Ощущения были необычные, после длительного лесбийского доминирования надо мной, я чувствовала себя не в своей тарелке. Мне явно чего-то недоставало...

Охранник Серёга с натугой, с горячими придыханиями, прерывисто сопя и постанывая, вошёл в меня и — стал гонять... Как поршень двигателя «Жигулей»... На сухую, без всяких прелюдий, любовных игр и предварительных ласк. Грубо, жёстко и темпераментно, как это он, видимо, всегда делал в своей жизни. И не только в постели с девушками, а и на

милицейской, оперативной работе, разоблачая многочисленных преступников. Я лежала под ним, ровным счётом ничего не испытывая и не ощущая, не подмахивая бёдрами, даже не пытаясь имитировать секс, что называется — «как бревно». Думала только о том, чтобы он поскорее кончил и отвёз меня домой, к Оленьке...

Серёга страстно, как поросёнок, пыхтел и сопел на мне, пускал вязкие слюни в мой рот, отчего мне было даже противней, чем раньше, когда я вылизывала анал у своей любимой Кристины. Его стоны и слюнявое, невнятное нашёптывание на ухо были мне настолько отвратительны, что я еле сдерживалась, чтобы не отвернуться от его перекошенной сладострастной grimасой, безобразно противной рожи. Он всё увеличивал и увеличивал темп ебли, машина жалобно скрипела и раскачивалась на рессорах, в «пилотке» моей хлюпало от наших с ним общих выделений, как будто там было болото. По ляжкам моим текло, гладко выбритый лобок был весь мокрый и липкий, ноги и шея мои болели от неудобного, неестественного положения. К тому же невыносимую боль причиняли незажившие раны на спине и заднице.

Наконец, Серёгу разобрало окончательно, он задёргался на мне, завизжал, как недорезанный кабанчик, начал обильно спускать в промежность горячую, вязкую сдрочку. Это действительно была сдрочка, потому что еблей нашу с ним возню назвать было сложно. После того, как он опорожнился и спустил в меня всё, до капли, — грубо схватил за волосы, наклонил голову и бесцеремонно сунул ещё стоявший колом, склизкий свой хер прямо мне в рот.

— Оближи его, а то мне ещё назад ехать, — трусы нахуй выпачкаю, — цинично сказал он. Я, привыкшая всегда всем подчиняться, тут же принялась облизывать его орудие от спермы и моей смазки. Он терпеливо дождался, пока я вылижу всё, спрятал уже обмякший писюн в трусы, пересел за руль.

— Вылазь нахуй, приехали! — хмыкнув, сказал Серёга. — Хорошего понемножку, бля... Дальше сама дотопаешь, а мне ещё всю ночь работать.

Я не удивилась такому к себе отношению. Ко мне всегда так относились. А девчонки из компании Кристи ещё и били. Натянув торопливо трусики и юбку, вышла из машины. Громко хлопнула дверь, ведомственные «Жигули», заурчав двигателем и некультурно набздев бензиновыми испарениями, умчались. Я пошла по тёмным, клыкасто зловеющим улицам заброшенного богом и властями посёлка бывших шахтёров к себе домой.

Идти было хоть и не сильно далеко, но не приятно. В паху всё слиплось от Серёгиной спермы, трусики впереди намокли. Задница и спина ныли от незаживших рубцов после порки. Ноги затекли от лежания в неудобном положении и подкашивались, во рту было неприятно и гадко после минета. Я шла, пошатываясь, как пьяная. То и дело спотыкалась на неровностях, а один раз чуть не упала. К тому же сильно хотелось писать. Я не стала терпеть и комплексовать, а решительно села прямо сбоку узкого тротуарчика, под раскидистым вязом. Как нарочно позади послышались топот многих шагов, громкие юношеские задорные голоса, залиvistый беззаботный смех. Я, не дописав, поспешно вскочила на ноги, натягивая второпях трусики. Конечно, обмочила их ещё сильнее. К тому же, молодёжь, шедшая следом, явно увидела в темноте предательскую белизну моего тела.

Обгоняя меня, ребята цинично заржали. Не будь с ними двух девчонок, они бы, без сомнения, пристали ко мне. Один отпустил в мой адрес недвусмысленную грязную шуточку. Другой, в тему, ответил ему:

— Да это местная путана, не знаешь, Боб! С работы идёт. Нажралась, как свинья, и деревья обыскает.

— Вот бы её через Роттердам — на Пупенгаген! — зареготал третий и сделал темпераментные возвратно-поступательные движения руками и бёдрами, как американский певец Майкл Джексон на сцене.

Я испугалась и быстро перешла на противоположную сторону коварной ночной улочки, чтобы не идти следом за опасной компанией. Но другого пути, увы, не было, флигель наш располагался как раз по пути следования молодёжи. Всю дорогу я тряслась, как осиновый лист, живописно представляя, как меня насилуют несовершеннолетние отморозки. Как это ни парадоксально, но от этих «страшных» фантазий мне подсознательно стало приятно, и я даже пожалела, что этого не произошло наяву. Когда я наконец-то добралась до дома, Оленька ещё не спала.

— Ты где была, поблуда? — строго спросила она, встречая меня в коридоре и становясь в картинную позу доминантши и хозяйки положения.

Я, смущённо потупив глаза, вполне сознавая свою вину, хотела тихо, как мышь, прошмыгнуть мимо. Во рту у меня было неприятно, и я опасалась, как бы Ольга не почувствовала острый запах. К тому же было неудобно в обмоченных трусиках и мне хотелось поскорее переодеться и подмыться. Но сделать это так, чтобы не видела дочка, было невозможно: ванны или душа у нас во флигеле не было, и мылись мы на кухне в корыте.

— Ты почему не отвечаешь, когда у тебя спрашивают? — раздражённо, начиная что-то смутно подозревать, вскричала Ольга и грубо схватила меня за руку.

Постепенно она переняла многие повадки Кристины, да, отчасти и Натальи, и порой превращалась в сущую мегеру, так что я уже не на шутку начинала бояться её в такие минуты. Сейчас, чтобы понапрасну не злить Ольгу и не подливать масла в огонь, я поспешила её успокоить:

— Оленька, доченька, успокойся, не стоит так волноваться — это вредно... Ничего особенного не случилось, просто было много работы, и я задержалась. Если тебе это не нравится, я больше не буду. Ольга, взглянув на мою виноватую физиономию, подозрительно втянула носиком воздух:

— Почему от тебя воняет мочой? Ты с кем-то была и пила «золотой дождь»? Тебе мало меня, грязная противная потаскуха?!

— Что ты, доченька, я не была с девушкой и люблю только тебя, — заверила я её дрожащим от страха и волнения голосом, и по тону моего голоса Ольга поняла, что я точно с кем-то была.

— Подойди сейчас же ко мне, сучка! — злое приказыла она.

Я покорно подошла. Мы были с ней почти одинакового роста. Ольга приблизила к моему лицу свою разгневанную физиономию:

— Дыхни!

Я выполнила её приказ, с ужасом поняв, что пропала. Ольга, понюхав запах из моего рта, брезгливо сморщила носик:

— Фу, от тебя воняет мужской спермой... Ты делала кому-то минет, хуесоска?

— Оленька, прости меня, пожалуйста, но так получилось... Мне пришлось это сделать, — пролепетала я, в ужасе сознавая, что погорела и Ольга меня сейчас жестоко накажет.

— Ты трахалась с ним, животное? — угрожающе замахнулась на меня девочка. — И почему от

тебя воняет ссаками? Что ты всё время молчишь? Снимай сейчас же трусы, блядь!

Я быстро исполнила то, что она сказала, дрожащими от страха и унижения руками, чуть не упав, сняла свои маленькие белые, влажные от мочи стринги. Ольга, протянув руку, резко вырвала их у меня, с отвращением поднесла к носику.

— Так и есть, — все мокрые, и воняют спермой и ссаками! — победно воскликнула Ольга, отбрасывая трусики на пол. — Мужик трахнул тебя в пизду, а его баба, вероятно, помочилась на тебя после того, как он в тебя кончил... С кем ты была, грязная, опущенная шалава? Тебе было плохо со мной, да? Со своей родной дочерью... И ты пошла шляться по улицам, ища пьяных вонючих мужиков и грязных уличных проституток, чтобы они ебали тебя, как мусорную подстилку и последнюю блядь где-нибудь под забором и ссали, словно в очко уборной, в твой поганый рот? И после всего этого, ты хочешь, чтобы я к тебе хорошо относилась, уважала тебя и спала с тобой в одной постели?

— Но, Оленька, всё было совсем не так, — пробовала я что-то объяснить дочери, дрожа всем телом и каждой его клеточкой чувствуя свою вину перед Ольгой. Потому что, по сути, она была права: я действительно, как последняя дура отдалась первому встречному, облизала его член, не думая, как ко всему этому отнесётся дочка. По сути, я действительно изменила ей. Единственно, в чём она была не права: с нами не было другой женщины...

— Молчи, сучка, не выводи меня! — в истерике завизжала Ольга и, дикой кошкой, набросилась вдруг на меня с кулачками. — Ты разлучила меня с Кристи, перед этим отбила её у меня, а сейчас бросила и меня, променяв на какую-нибудь подзаборную шлюху и её грязную, раздолбанную манду, которую ты лизала!

Я не успела закрыться руками, как получила несколько чувствительных ударов кулачком в нос и нижнюю губу. От боли и неожиданности я громко вскрикнула, закрыла лицо руками, чувствуя, как из носа и губы густо закапало. Ноги мои подкосились сами собой, душа от страха ушла в пятки, в низу живота всё оборвалось. Я упала на колени, чувствуя, что течёт не только с лица, но и из влагилица. Я поняла, что уписалась, но стыда не почувствовала, а только острый животный ужас. Я всегда испытывала нечто подобное, когда меня били по лицу, и текла кровь.

Ольга, видя моё покорное, беспомощное состояние вызверилась ещё сильнее, подняв с пола мои грязные мокрые трусики, стала хлестать меня ими по рукам, которыми я закрывала лицо. Вскоре белая кружевная ткань окрасилась в красный цвет, потому что сквозь мои пальцы продолжало сочиться из носа. Я совсем потеряла голову от страха. Стоя на коленях в луже собственной мочи, всхлипывала, рыдала и жалобно просила Ольгу:

— Доченька, прости! Больше никогда такое не повторится. Не бей меня, умоляю. Мне плохо...

— Ах, тебе плохо, вещь? — вскричала Ольга голосом Кристины. — А лизать чужую пизду было хорошо?

— Я ни у кого не лизала.

— Ври, ври, так я тебе и поверила!... Ты конченная пиздолизка и моя рабыня, — зловеще прошипела Ольга. — Ты провинилась, и я тебя жёстко накажу!

Я с горечью поняла, что это только начало, и главные мои мучения — впереди.

— Убери руки с лица, — велела девочка.

Я тут же исполнила её приказание. Продолжая стоять перед дочерью на коленях, безвольно опустила руки, смотря ей в глаза преданным, собачьим взглядом, готовая по первому её движению, броситься выполнять, всё, что взбредёт ей в сумасбродную молодую головку. Под

вспухшим, покрасневшим носом у меня запеклась кровь, нижняя губа треснула по середине и некрасиво вздулась. Я поминутно всхлипывала и морщилась от острой боли в разбитой губе. По щекам моим текло и я, моргая затуманенными от страха и безысходности глазами, сглатывала слёзы.

Ольга удовлетворённо хмыкнула. Губы её покривила хищная улыбочка вышедшего на охоту молодого, сильного и безжалостного зверя.

— Здорово я тебя отделала, хуесоска! Жесть! — самодовольно сказала она. — Тебе нравится, когда я тебя бью?

— Очень нравится, Оленька! Бей ещё, — не отрывая рабски-покорного взгляда от лица моей обожаемой дочурки, преданно попросила я.

— Сними всё с себя, старая шлюха, — властным голосом, как всегда подражая интонациям забываемой Кристины, приказала Ольга.

Я, не поднимаясь с колен, разделась. Аккуратно сложила вещи на пол перед собой. Снова бестолково вылупилась на дочку-повелительницу, с тайным вожделением ожидая дальнейшего доминирования.

— Повернись спиной.

Я исполнила. (Специально для червяка! — зловеще пообещала она. — А теперь раздень меня и вылижи с ног до головы, мне сегодня лень мыться.

Я тут же исполнила, что она сказала. Голенькая Ольга легла на спину на свой диван и расставила пошире стройные худые ножки.

— Сначала лижи киску. Я перед твоим приходом пописала и там плохо пахнет. Мне неприятно... Живо, пиздолизка, не то разозлюсь и выбью ногой передний зуб!

Я испугалась, что она так и сделает, опрометью подскочила к дивану и темпераментно заработала языком и губами, вылизывая и обсасывая её крохотную, безволосую, одуряюще сладко пахнущую мочой киску. Я её лизала минут десять, пока не довела дочурку до сильного возбуждения, потом переключилась на животик и маленькие, нулевого размера, грудышки. Ножки облизала в последнюю очередь. Ольга от блаженства прикрыла глазки и похотливо, в голос постанывала. Когда и ноги любимого чада блестели от моей слюны, как чисто вымытые в бане, я осторожно перевернула её на животик и принялась обцеловывать и вылизывать мягкую розовую попку. Девочка моя блаженно мурлыкала, как маленький пушистый котёнок, и ёрзала от возбуждения ногами по покрывалу. Когда я раздвинула её ягодицы и припала к коричневому пятнышку в глубине попы, Оленька сладостно застонала.

— Лижи, лижи мою жопу, блядь! — промурлыкала она сладеньким голосом и, довольная, усмехнулась. — Представь, что это коричневая вкусенькая конфетка, или шоколад.

Так, переходя от одной частички к другой дорогого мне, родного существа, я облизала её языком всю. Конечно, за исключением личика, к которому притронуться своим нечистым ртом я просто не смела. Оленька сильно завелась, возбудилась, но до предельного наивысшего удовольствия было ещё далеко, и она решила продолжить моё наказание. Тем более, сорванные мною в саду прутья не могли долго оставаться без дела.

— Ты хорошо меня облизала, шлюха. Я осталась довольная. Пока... Но за то, что ты мне сегодня подло изменила и сосала чужой хуй, я тебя всё равно накажу, — встав с бывшего моего дивана, который она по праву заняла после нашего переезда, наставительно объявила Ольга. — Говори, помойная яма, что рада наказанию и будешь терпеть всё, что бы я с тобой сегодня не сделала!

Я, как и раньше, стоя перед ней на коленях, согласно кивнула растрёпанной, плохо соображающей от всего происходящего головой:

— Я всё-всё вытерплю, моя радость. Побей меня жестоко. Я прошу...

— Ок! — довольно произнесла дочка. Велела лечь на кровать на спину, и как всегда крепко прикрутила к ней ремнями мои руки и ноги.

Я лежала перед ней, как растянутая по четырём углам, большая белая подопытная лягушка с завалившимися набок, обвислыми дынеобразными сиськами и заметно вздутым, мягким, податливым животом. Ольга никогда ещё не привязывала меня так. Обычно я лежала на животе, лицом вниз, и она порола меня розгами по спине и попе. Но сейчас там была одна сплошная, едва взявшаяся бурой коркой рана, и сечь дочка будет меня... Я содрогнулась, в ужасе поняв, наконец, какая жестокая пытка меня ждёт! Да, Оленька, без сомнения, будет бить меня прутьями по моим большим мягким грудям, выпуклому животу, выбритому начисто лобку и полным округлым ляжкам. Ужас парализовал моё безвольное, измученное регулярными избиениями, больное тело, оно мгновенно покрылось мурашками и холодной испариной.

Оленька взяла в руку первую, заворачивающе-безжалостную розгу, и я боязливо зажмурила глаза, как в кабинете стоматолога, чтобы ничего не видеть, и приготовилась к самому страшному. Гибкий ивовый прут со свистом рассёк воздух и наискось резко полоснул по обнажённым грудям. Удар был настолько сильный, что на моих молочно белых, не загорелых за лето сиськах с большими коричневыми блямбами пупырчатых сосков мгновенно вспыхнул кроваво-красный рубец. Я заорала как резаная и чуть не уссалась от нестерпимой боли, хоть писать было уже нечем — до этого я опорожнилась уже под себя мочевого пузыря.

Розга просвистела во второй раз и рассекла нежную белую кожу на груди в обратном направлении, так что образовался большой, кровоточащий крест, как бы перечеркнувший мои сиськи. Я взвыла не своим голосом, забилась как полоумная на кровати и принялась униженно умолять Оленьку, чтобы она меня больше не била. Но слова мои никак не доходили до возбуждённого сознания моей милой девочки. Вернее, они доходили, но вызывали не жалость и сострадание, а совсем другие, садистские сексуальные чувства. Вид моих страданий и унижения всё больше и больше возбуждал и распялял Ольгу, и она безжалостно обрушивала розгу на мой незащитный, мягкий, слегка колышущийся живот, упругие ляжки, выпирающий бугорок лобка. Ноги мои были разведены в стороны и зафиксированы в таком положении ремнями, и Ольга старалась попасть прутком по моей промежности. Для этого она была не поперёк моего тела, а вдоль. Когда ей это удавалось, и розга жестоко полосовала нежные наружные губы моей вагины, я орала так, что вероятно слышно было даже на улице и у соседей, и чувствовала, что ещё немного и не только уписаюсь, но и обгажусь.

Меня всю трясло, слёзы ручьями текли по моим щекам, кровь просачивалась сквозь рассечённую кожу, и красными капельками скатывалась с белой обнажённой груди на покрывало, оставляя многочисленные кровавые пятнышки. Я металась на кровати, силясь вырваться из капкана цепко державших меня ремней, но всё было тщетно. Я поняла, что не выдержу этой жестокой пытки, слабо крикнула Ольге, что больше не могу, перестала себя контролировать и сдерживаться. Внутри у меня снова всё обрушилось, как снежная лавина в горах, — из передней дырочки сразу же потекло горячим... что-то вязкое, мягкое и противное — полезло из задней... Перед глазами всё померкло, как будто выключили свет в кинотеатре

перед началом сеанса, и я потеряла сознание